

Песок вместо взрывчатки

Елизавета Степановна Сафонова попала на фронт совсем юной — почти сразу после школьной скамьи. Может быть, поэтому впечатления военной поры особенно прочно отпечатались в ее памяти. «В ноябре сорок второго, — рассказывает она, — мы, десять девушек, прибыли в зенитную часть, которая располагалась под Можайском. Пошли представляться командиру. Посмотрел он на нас, вздохнул тяжело и говорит: «Нелегко вам придется, девчата. У меня пока почти одни мужики. И они с ног валяются. Вы уж старайтесь запомнить, что и как. Потом учиться некогда будет — работа начнется... И за каждую ошибку с нас спросят очень строго. Москва за спиной».

Расчеты зенитных орудий тогда действительно состояли почти из одних мужчин. Но шел сорок второй год. Сражающейся Красной Армии необходимы были резервы. Поэтому и приняли решение заменить зенитчиков-мужчин женщинами.

Ребята встретили нас очень приветливо. Сразу отобрали тех, кто закончил десятилетку, учился в институтах и техникумах. Бравый сержант отвел нас в сторону и, подмигнув, шепнул: «Вам — наиболее ответственную работу...»

Позже оказалось, что из отобранных будут готовить расчет ПУАЗО — прибора управления зенитным огнем. ПУАЗО — это довольно сложный и совершенный по тем временам прибор, который позволял вести точный огонь из зенитных орудий по группам воздушных целей и отдельным самолетам немцев. Началась наша учеба.

Зенитчики, которые нас натаскивали, сами были подкованы в теории не очень-то здорово. Нажимали они больше на практическую сторону. Показывали, как включать приборы, как вести наблюдение, снимать данные. Всего обучали нас около двух недель. А в мирное время на изучение этого прибора отводилось три месяца. Но война решительно вносила свои коррективы в учебный процесс. Когда подошла пора сдавать зачеты, все девушки успешно ответили на вопросы командиров, продемонстрировали и достаточные практические навыки работы.

Через день мы простились со своими наставниками. Все мужчины из нашей батареи ушли на передовую. Мы же остались прикрывать московское небо.

Запомнилась мне первая бомбежка, под которую попала наша батарея в декабре 1942 года. Мы тогда только заступили на дежурство. И вскоре ПУАЗО показал, что в нашем направлении движется группа самолетов противника. Примерно эскадрилья. Мы быстро сняли показания и передали данные расчетам. Закрутились стволы зениток, раздались отрывистые фразы команд, и в морозном воздухе резко захлопали выстрелы. В небе появились «зонтики» — дым разрывов зенитных снарядов.

Но нескольким бомбардировщикам удалось прорваться через наш заградительный огонь и сбросить свой смертоносный груз прямо на позицию батареи. Впрочем, «смертоносными», как оказалось впоследствии, назвать бомбы, упавшие возле наших окопов и землянок, было трудно. Затаив дыхание, мы ждали взрывов. Но их не последовало. Когда налет закончился, мы увидели, что несколько неразорвавшихся бомб зарылись в снег совсем рядом с нами. Долго боялись к ним подходить. Спасибо, выручили случайно проезжавшие мимо саперы. Они обнаружили в бомбах вместо взрывчатки песок. Нетрудно догадаться, откуда от взялся. На заводах гитлеровцев работали сотни тысяч насильно угнанных в Германию рабочих из разных стран. Это они «заряжали» фашистские бомбы и снаряды песком, портили взрыватели.

Я не могу точно подсчитать, сколько раз мы вступали в поединок с крылатыми машинами немцев. Наша батарея заступала на дежурство через каждые четыре часа. И не менее двух раз за дежурство звучал сигнал тревоги, а мы, торопливо накидывая на себя обмундирование, выскакивали из землянок и неслись к позиции. И каждый раз, когда бомбардировщик противника оказывался в прикрываемой нами зоне, у него на пути вставала стена заградительного огня».